
ОБРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО ВЪ ХРИСТИАНСТВО ¹⁾.

Едвали во всей церковной истории ²⁾ можно указать другую личность, которая вызывала бы столь разнообразный и многосторонний интерес къ себѣ и въ тоже время подвергалась бы столь несогласному и противорѣчивому обсужденію и оцѣнкѣ, какъ личность перваго христіанскаго императора, Константина Великаго. Литература о немъ необычайно обширна. Еще въ началѣ XVIII вѣка (1720 г.) Фогтъ, авторъ одной брошюры о Константинѣ, насчитывалъ болѣе 150 сочиненій древнихъ и новыхъ писателей, занимавшихся этимъ императоромъ, а съ тѣхъ поръ число сочиненій о немъ значительно возрасло ³⁾. Но не смотря на это обиліе литературы, мы напрасно стали бы искать въ ней какого-либо общепризнаннаго взгляда на Константина, какихъ-либо разъ навсегда установленныхъ и неизмѣнныхъ результатовъ. Напротивъ, нигдѣ разнообразіе ученыхъ мнѣній не доходитъ до такой поразительной противоположности и разнорѣчивости, не развивается до такой пестроты красокъ и звуковъ, какъ въ этой области. Во всемъ этомъ необозримомъ морѣ литературы трудно отыскать хотя бы два изслѣдованія, одинаково понимающія дѣло. Начиная съ Евсевія Кесарійскаго, перваго біографа Константина, не постѣснившись въ своей напыщенной лести сравнить его съ самимъ Спасителемъ ⁴⁾ и кон-

---

¹⁾ Речь, произнесенная въ день годовичнаго акта Московской Духовной Академіи 1904 г. 1-го Октября.

²⁾ Исключая, конечно, новозавѣтнумъ.

³⁾ Smith and Wace. A dictionary of christian Biography, London, 1900, ч. 1, 625.

⁴⁾ Eusebius Werke, herausgeg. im Auftrag d. König. preuss. Akademie d.

чая Нибуромъ ¹⁾ и Буркгардтомъ ²⁾, которые въ первомъ христіанскомъ государствѣ ничего не видятъ, кромѣ властолюбца-деспота, со спокойной совѣстію, если только такая была у него, приносившаго въ жертву своимъ личнымъ интересамъ божескіе и человѣческіе законы, сужденія ученыхъ проходятъ всѣ градаціи, мыслимыя между этими двумя крайностями, такъ что повидимому здѣсь исключается всякая возможность сказать что-нибудь оригинальное, взглянуть на предметъ съ новой точки зрѣнія. Главнымъ фокусомъ, около котораго центрируется весь этотъ калейдоскопъ мнѣній, является вопросъ объ обращеніи Константина въ христіанство: что побудило его къ этому поступку? по какимъ мотивамъ онъ рѣшился оставить свои прежнія вѣрованія и принять новую религію? — такой или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ, то или иное объясненіе его уже заранѣе предрѣшаетъ какъ общій взглядъ на личность Константина, такъ и всю оцѣнку его дѣятельности на пользу христіанства. — Было бы неосновательно думать, что эта противоположность въ воззрѣніяхъ на Константина обусловливается только произволомъ историковъ; конечно, въ обсужденіи столь великаго дѣла, какъ религіозная реформа, осуществленная Константиномъ въ римской имперіи, личныя убѣжденія изслѣдователя имѣютъ важное значеніе и всегда такъ или иначе, сознательно или безсознательно, сказываются подъ перомъ его, но главная причина лежитъ не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что современники и сотрудники Константина и ближайшія къ нему поколѣнія оставили намъ свѣдѣнія столь противорѣчивыя, такъ мало согласующіяся между собой, что даже такой знатокъ исторіи, какъ Гиббонъ ³⁾, отказывается отъ возможности примирить ихъ. И дѣйствительно, напр. образъ

Wissensch. von A. Heikel. *I B. Eüs tön ßion toü μακαρίου Κωνσταντίνου Ζαυελέως* (въ дальнѣйшемъ просто V. C.—Vita Constantini), IV, 72; p. 147.—Сочиненія Евсевія Памфила, переведенныя съ греческаго при СПбургской дух. Академіи, т. 2-й. СПб., 1849, стр. 285.

¹⁾ Отзвъвъ у Madden'a, *Christian emblems of the coins of Constantin I, the Great, his family and his successors*. London, 1877—78 стр. 33.—He считаетъ нужнымъ воспроизводить его.

²⁾ Burckhardt. *Die Zeit Konstantins des Grossen*. Dritte Auflage. Leipzig, 1898. См. ниже.

³⁾ Гиббонъ, *Исторія упадка и разрушенія римской имперіи*. Москва, 1883 г. II, 256, 257.

Константина, нарисованный христіанскимъ епископомъ Евсевіемъ, настолько не похожъ на то, что сообщаетъ о немъ язычникъ Зосимъ, что здѣсь трудно указать хотя бы на одну какую-либо точку соприкосновенія. Это разногласіе источниковъ касательно Константина, эта взаимная несогласимость заключающихся въ нихъ данныхъ предоставляютъ каждому новому изслѣдователю просторное поле для всевозможныхъ комбинацій и даютъ ему право, не сходя съ научной почвы, построить такой взглядъ на личность и дѣятельность перваго христіанскаго императора, какой ему самому представляется наиболѣе вѣроятнымъ и соответствующимъ источникамъ.

Предлагая вниманію высокочтимаго собранія свой опытъ рѣшенія этого запутаннаго вопроса, я конечно далекъ отъ мысли сказать послѣднее слово въ этой чрезвычайно темной области; мое намѣреніе гораздо скромнѣе: по примѣру многихъ изъ своихъ предшественниковъ, я хочу еще разъ, быть можетъ, въ 201 разъ, попытаться извѣстные намъ изъ источниковъ факты комбинировать въ новомъ порядкѣ, въ нѣкоторой надеждѣ достигнуть болѣе счастливыхъ результатовъ.

I.

Было бы всего легче и проще объяснить переходъ Константина въ христіанство, какъ результатъ его политическихъ расчетовъ. Такое объясненіе, дѣйствительно, и предлагаютъ два извѣстныхъ нѣмецкихъ ученыхъ: упомянутый нами Буркгардтъ, выступившій со своей теоріей еще въ 1853 г. ¹⁾, и А. Гарнакъ въ своемъ недавно вышедшемъ изслѣдованіи: „Проповѣдь и распространеніе христіанства въ первые три вѣка“ ²⁾. „Часто пытаются,—говоритъ Буркгардтъ ³⁾, — проникнуть въ религіозное сознаніе Константина и начертать образъ предполагаемыхъ измѣненій его религіозныхъ воззрѣній. Это—совершенно напрасный трудъ. Въ примѣненіи къ

¹⁾ Въ этомъ году вышло первое изданіе его книги о Константинѣ; дальнѣйшія цитаты относятся къ 3-му изданію.

²⁾ А. Harnack. Die Mission und Ausbreitung der Christentums in der ersten drei Jahrhunderten. Leipzig, 1902.

³⁾ См. Burckhardt, cit. op., стр. 350. 373. 327 и др. Ср. также Duguy, Histoire des Romains, t. VII, Paris, 1885, который только пересеживаетъ взглядъ Буркгарта на французскую почву. Вообще до послѣдняго времени тотъ взглядъ былъ почти общепринятымъ въ западной литературѣ.

геніальному мужу, которому честолюбіе и жажда власти не оставляютъ спокойнаго часа, не можетъ быть и рѣчи о сознательной религіозности или безрелигіозности; такой человекъ по существу безрелигіозенъ, даже если онъ самъ воображаетъ, что дѣйствуетъ среди церковнаго общества. Мірообъемлющіе планы, властныя мечты влекутъ его безъ оглядки въ кровавыя рѣки побитыхъ армій..., и если на одно мгновение онъ овладѣваетъ своимъ истиннымъ религіознымъ сознаниемъ, то эта религія есть фатализмъ“.—Ничто иное, какъ желаніе воспользоваться христіанами въ своихъ политическихъ цѣляхъ, и толкнуло Константина въ сторону христіанъ. Уже непосредственное знакомство съ христіанами убѣдило его, что христіане добрые подданные, что ихъ много, что дальнѣйшіе преслѣдованія ихъ для здоровой политики не имѣло смысла. Опытъ привлечь христіанъ на свою сторону, сдѣланный имъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, сопровождавшихъ войну съ Максенціемъ, оправдалъ его расчеты, и чѣмъ тѣснѣе онъ сближался съ христіанствомъ, тѣмъ яснѣе становилось для него, что церковь съ ея постоянно увеличивающимся числомъ послѣдователей, съ ея строго выработанной организаціей іерархіи, съ ея своеобразнымъ соборнымъ управленіемъ представляетъ собою мощную силу, способную дать въ себѣ самую прочную опору для государства. Милости, оказанныя имъ христіанской церкви, создали въ преданіяхъ ея убѣжденіе въ искренней принадлежности Константина къ христіанству, но на самомъ дѣлѣ Константинъ „почти ни разу за всю свою жизнь не заявилъ себя прямо христіаниномъ и до конца жизни сохранилъ свое личное убѣжденіе ни отъ чего независимымъ“ ¹⁾. Изъ другихъ основаній выходитъ Гарнакъ. Подводя итоги своей обширной и необыкновенно богатой по собранному въ ней матеріалу работъ по исторіи распространенія христіанства въ римской имперіи, этотъ ученый утверждаетъ, что уже къ началу IV вѣка христіанство являлось преобладающимъ или готовымъ стать преобладающимъ элементомъ почти во всѣхъ главнѣйшихъ провинціяхъ римскаго царства. „Побѣда христіанства,—говоритъ Гарнакъ,—во всей Малой Азіи была рѣшена еще до времени Константина, въ другихъ областяхъ

¹⁾ См. Burekhardt, cit. op., ss. 350· 373, 327 и др.

она уже готовилась. Не было нужды ни въ какомъ особенномъ озареніи, ни въ какомъ небесномъ призывѣ къ войнѣ, чтобы осуществить на дѣлѣ то, что уже было готово. Надобенъ былъ только проницательный и дѣятельный политикъ, который способенъ былъ принять внутреннее участіе въ религіозномъ состояніи его времени. Таковъ былъ Константинъ. Что онъ хорошо понялъ это и умѣло воспользовался — въ этомъ его гениальность“. Константинъ многіе годы провель при дворѣ Діоклитіана. Онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ юношей въ нашемъ смыслѣ, когда жилъ и наблюдалъ — тамъ, въ городѣ и провинціяхъ, гдѣ ему повсюду встрѣчались церкви съ ихъ епископатами и властью надъ душами. Его младоазійскія впечатлѣнія сопровождали его въ Галлію и преобразовались въ политическое рѣшеніе, повлекшее за собой важнѣйшія послѣдствія ¹⁾.

Безспорно, что въ дѣлѣ обращенія Константина въ христіанство политическіе мотивы имѣли бы свое мѣсто и съ ними должна была бы считаться наука, если бы можно было согласиться съ приведеннымъ сейчасъ заключеніемъ Гарнака, что въ эпоху Константина христіане составляли собою преобладающее большинство, хотя бы въ наиболѣе важныхъ провинціяхъ римской имперіи или, по крайней мѣрѣ, пользовались стоящимъ вниманіемъ политическимъ вліяніемъ въ строѣ государства. Но какъ ни много собрано этимъ ученіемъ данныхъ въ пользу своего тезиса, какъ ни разнообразны приведенныя имъ цифры и свидѣтельства, его общій результатъ остается сомнительнымъ и нуждается въ значительномъ пониженіи. По понятнымъ причинамъ мы не можемъ входить здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ его доводовъ и ограничимся лишь нѣкоторыми сторонами, касающимися этого вопроса. Прежде всего мы отмѣтимъ три методическія ошибки, какими необходимо сопровождаются всякія статистическія изслѣдованія подобнаго рода. Во-первыхъ, во всемъ сочиненіи Гарнака рѣчь идетъ лишь объ *однихъ христіанахъ*, всѣ документы древности привлекаются къ дѣлу только для того, чтобы опредѣлить численность христіанъ, о язычникахъ же не говорится ни слова, а эта односторонность неизбѣжно вызываетъ у читателя ложное

¹⁾ A Harnack, cit. op., ss. 544. 545.

представленіе, что какъ будто язычниковъ въ эту эпоху совсѣмъ не было и что все населеніе состояло изъ христіанъ. Во-вторыхъ, подъ вліяніемъ мысли о близкой кончинѣ міра, господствовавшей надъ умами первыхъ вѣрующихъ, въ христіанскомъ обществѣ очень рано окрѣпло убѣжденіе, что Евангеліе уже распространилось по всѣмъ концамъ земли, что всѣ народы, обитающіе во вселенной, услышали проповѣдь о Христѣ, и что, поэтому, согласно обѣтованію Господню, гибель міра и царствіе Божіе наступитъ немедленно. Это убѣжденіе аподиктически высказывается уже у перваго поколѣнія христіанскихъ писателей, когда численность христіанства была ничтожна и само христіанство еще не обращало на себя никакого вниманія,—въ твореніяхъ мужей апостольскихъ, у Климента Римскаго ¹⁾, Игнатія Богоносца ²⁾ и въ „Пастырѣ“ Ермы ³⁾, и самое интенсивное выраженіе себѣ находитъ въ сочиненіяхъ Тертуліана ⁴⁾. Основанныя на предвзятой идеѣ, эти показанія церковныхъ писателей не имѣютъ никакого историческаго значенія и опровергаются заявленіями болѣе свѣдующихъ лицъ. Такъ, Оригенъ, жившій позднѣе Тертуліана, полемизируя прямо

¹⁾ Epist. I, 5: „будучи проповѣдникомъ на Востокъ и на Западъ, онъ (ап. Павелъ) приобрѣлъ благородную славу за свою вѣру, такъ какъ научилъ *весь міръ правдѣ*“..

²⁾ Ad Ephes. 3: „ибо Іисусъ Христосъ, общая наша жизнь, есть мысль Отца, какъ и епископы, поставленные *по концамъ* (земли), находятся въ мысли Іисуса Христа“.

³⁾ Simil. VIII, 3: „это большое дерево, покрывающее поля и горы и всю землю, означаетъ Законъ Божій, данный *всему міру*; Законъ этотъ есть Сынъ Божій, проповѣданный въ *концахъ земнаго шара*“; ср. Simil. IX, 17.

⁴⁾ Arol. 2, с. 37: „мы существуемъ со вчерашняго дня и уже наполняемъ все ваше: города, острова, крѣпости, муниципія, совѣты, даже лагерь, декуріи, дворы, сенатъ, форумъ; оставляемъ вамъ одни ваши храмы... Мы можемъ побѣдить васъ однимъ уже тѣмъ, если удалимся отъ васъ. Потому что когда такая масса людей, оставивъ васъ, уйдетъ въ какую-нибудь пустыню, то потеря столь большаго числа гражданъ обезсилила бы ваше государство и самымъ удаленіемъ наказала бы васъ. Безъ сомнѣнія, вы пришли бы въ ужасъ отъ сознанія одиночества и безмолвія и въ страхъ при видѣ какъ бы омертвѣвшаго міра: больше бы осталось у васъ враговъ, чѣмъ гражданъ“... Ad Scap. 2: „Такое множество людей, почти большаго часть въ каждомъ городѣ, мы живемъ въ молчаніи и скромности“; Adv. jud. 8: „въ кого много вѣруютъ *народы вселенной*, какъ не въ пришедшаго уже Христа?“

противъ самой мысли о близкой кончинѣ міра, въ доказательство ея ошибочности, указываетъ именно на то, что Евангеліе остается неизвѣстнымъ еще многимъ народамъ вселенной, что даже внутри греко-римской имперіи христіанъ было мало сравнительно съ языческимъ населеніемъ ¹⁾. Третій приѣмъ, обычно практикуемый при статистическихъ изслѣдованіяхъ по древней церковной исторіи и особенно широко примѣняемый Гарнакомъ, состоитъ въ опредѣленіи количества христіанъ при помощи числа епископій, значащихся въ той или другой провинціи. Этотъ приѣмъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свое значеніе и во многихъ случаяхъ является единственнымъ болѣе или менѣе прочнымъ основаніемъ, руководясь которымъ статистикъ можетъ сдѣлать приблизительно вѣрный расчетъ о распространенности христіанства въ той или другой области. Но если гдѣ, то именно здѣсь историкъ долженъ беречься отъ соблазна перенести понятія своего времени въ глубокую древность и свое субъективное впечатлѣніе сочестъ за дѣйствительный фактъ. Благодаря обилію официальныхъ документовъ, — главнымъ образомъ, актовъ соборныхъ, сохранившихся отъ конца 3-го и начала 4-го столѣтія, — мы почти для каждой провинціи съ значительной точностью можемъ опредѣлить число принадлежащихъ ей епископій, но мы совсѣмъ лишены возможности сказать, сколько христіанъ находилось въ составѣ той или другой епископіи. Вообще говоря, древнія епископіи были очень разнообразны и по своему пространству и по количеству заключаемыхъ ими въ себя христіанъ, и у насъ нѣтъ совсѣмъ твердаго критерія, опираясь на который мы могли бы принять какую-либо опредѣленную цифру хри-

¹⁾ Orig. in Comment. in Matth. ad 24, 9 (Lommatzsch, VI, 269—Harnack cit. op., s. 364): „въ это время возстановленія вещей (т. е. въ концѣ міра) Евангеліе, которое прежде не было проповѣдано во вселѣ мірѣ, потому что многіе не только изъ варваровъ, но и изъ нашихъ народовъ доселѣ не слышали слова о христіанствѣ (christianitatis verbum), — и тогда проповѣдуются (евангеліе царствія)... и будетъ кончина міра“. — Contra Cels. III. 30 — замѣчаетъ, что христіанскіе пресвитеры были бы достойны занимать мѣста въ городскихъ совѣтахъ, „если бы хотя одинъ городъ былъ вполне христіанскій (πόλις τοῦ θεοῦ)“; III, 10: ὅτι μὲν οὖν συγχρίσει τῆς ἐξῆς, πλήθους ὀλίγοι ἦσαν ἀρχόμενοι χριστιάνοι δῆλον. — Origenes Werke, herausgeg. in Auftrag d. konig. press. Akad. d. Wissensch. von Koetschau, Leipzig, 1899. I B. pp. 227. 210.

стіанъ для каждой епископіи. Слѣдующіе два-три примѣра могутъ дать наглядное понятіе объ этихъ затрудненіяхъ, необходимо связанныхъ съ статистическими работами въ примѣненіи къ древней церкви. Въ царствованіе Валента, уже во второй половинѣ 4-го вѣка, два эдесскихъ пресвитера были сосланы въ евскій городъ — Антиною (въ Египтѣ); они нашли здѣсь единомышленнаго себѣ епископа, и когда посѣтили церковное собраніе, то были удивлены ничтожнымъ числомъ собравшихся къ богослуженію, и затѣмъ изъ разспросовъ епископа узнали, что почти всѣ жители города оставались язычниками ¹⁾. Другой примѣръ болѣе характеренъ: онъ относится къ началу 5-го вѣка, ко времени царствованія Θεодосія Младшаго, и рассказываетъ въ житіи сыгравшаго въ свое время большую роль Порфирія Газскаго. Газа, въ которой епископствовалъ Порфирій, — не какое-нибудь захолустье, а большой и весьма населенный городъ, служившій посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіей, *egregia et insignis civitas*, какъ называютъ его Іеронимъ и Марцеллинъ ²⁾. До Порфирія въ Газѣ смѣнился цѣлый рядъ епископовъ, имена которыхъ исторически извѣстны съ 3-го вѣка. Но какую же паству нашель здѣсь Порфирій? — по точному указанію житія во дни прибытія Порфирія въ Газу тамъ оказалось всего 280 христіанъ, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, — и это было цѣлый вѣкъ спустя послѣ обращенія Константина въ христіанство ³⁾! — Положимъ, намъ теперь извѣстно, что на соборѣ въ 330 году, собранномъ донатистами, присутствовало 270 епископовъ изъ одной Африки, но какой выводъ мы должны сдѣлать отсюда? какую цифру христіанъ мы должны подставить подъ каждое епископство? Но если мы допустимъ на каждого епископа по 1000 христіанъ, цифру самую крупную для того времени, то и тогда для всей Африки мы получимъ 270,000 христіанъ, что при 9-милліонномъ населеніи Африки даетъ менѣе 3 процентовъ ⁴⁾.

1) Theodoret. H. E. X, 18.

2) Herzog. Real-Encyclopädie, 2 Aufl. IV, 622.

3) Житіе Порфирія, епископа Газскаго. Палестинскій Патерикъ, вып. 5. Изданіе Прав. Пал. Общ. СПб. 1895, стр. 16.

4) Cp. Schultze, Geschichte d. Untergangs d. griechisch—romischen Heidenthums B. 1, s. 4. Jena, 1887.

Впрочемъ, все сказанное имѣетъ свое значеніе лишь въ отношеніи къ тѣмъ преувеличеніямъ христіанской численности, какія встрѣчаются у Гарнака. Приведенные примѣры доказываютъ не то, что всякія статистическія изслѣдованія въ примѣненіи къ древней церкви безплодны, а то, что они требуютъ осторожности. Правда, сохранившіяся до насъ свѣдѣнія древности слишкомъ неполны, разрозненны и неопредѣленны, чтобы съ помощію ихъ можно было установить *точную и несомнѣнную цифру* языческаго и христіанскаго населенія римской имперіи къ началу IV вѣка, но они вполне достаточны для того, чтобы создать *общее* представленіе о количествѣ христіанъ въ этомъ періодѣ и отношеніи его къ язычникамъ. Не вдаваясь въ подробности, мы остановимся лишь на населеніи главнѣйшихъ городовъ римскаго государства,—такихъ, какъ Римъ, Александрія и Антиохія, гдѣ христіанскія церкви должны были отличаться наибольшою многочисленностью своихъ членовъ,—тѣмъ болѣе, что здѣсь мы по счастливой случайности обладаемъ болѣе точными и достовѣрными данными. Съ численнымъ составомъ первенствующей въ древности римской церкви, церкви столичной, знакомитъ насъ одинъ документъ, помѣщенный въ церковной исторіи Евсевія и падающій наполовину 3-го вѣка; именно: посланіе папы Корнилія къ Фабію, епископу антиохійскому, написанное по поводу возникшей въ Римѣ схизмы Новата. Указывая въ немъ на многолюдство и богатство своей церкви, Корнилій говоритъ: „онъ (Новатъ) не зналъ, что въ церкви католической надлежитъ быть одному епископу, но онъ зналъ, что въ ней (т.-е. римской церкви) находится 46 пресвитеровъ, 7 діаконввъ, 7 иподіаконввъ, 42 прислужника, 52 человекъ заклинателей, чтецовъ и привратниковъ и болѣе 1500 вдовицъ и немощныхъ, которыхъ всѣхъ питаетъ благодать и человеколюбіе Господа“ (т.-е. церковныя подаванія) ¹⁾. Это мѣсто одно изъ самыхъ важныхъ въ статистическомъ отношеніи, какое мы имѣемъ за первые три вѣка христіанства. Выходя изъ того соображенія, что по свидѣтельству Златоуста ²⁾, антиохійская церковь, насчитывавшая тогда у себя 100,000 членовъ, пропи-

¹⁾ Euseb. H. E., VI. 43.

²⁾ Hom. 85, 4.

тывала 3000 нуждающихся, мы, дѣлая уже одинъ простой арифметическій расчетъ, должны будемъ количество христіанъ въ римской церкви въ половинѣ 3-го вѣка опредѣлить въ 50,000 христіанъ ¹⁾. Но любопытно, что почти тотъ же выводъ можно извлечь изъ письма Корнилія, если взять за исходный пунктъ его показанія о численности римскаго клира. Здѣсь важно число пресвитеровъ и число чтецовъ: діаконы, иподіаконы и аколугы или прислужники, по обычаю апостольской церкви, долго сохранявшемуся въ Римѣ, назначались главнымъ образомъ не для совершенія богослуженія, а для раздачи милостыни, ухода за больными и вообще для экономическихъ цѣлей; для совершенія же богослуженія необходимы были пресвитеръ и чтець. Можно, затѣмъ, допустимъ, что въ Римѣ половины 3-го вѣка для каждаго пресвитера и чтеца существовалъ особый молитвенный домъ, ибо зачѣмъ было иначе умножать только пресвитеровъ и въ особенности чтецовъ? Принимая теперь, что обычный молитвенный домъ могъ вмѣщать въ себѣ около 1,000 молящихся, мы придемъ къ тому же результату, какой получается и на основаніи питаемыхъ римскою церковью вдовъ и немощныхъ т.-е. около 50,000 ²⁾. По болѣе вѣроятному подсчету, общее населеніе Рима въ 3-мъ и 4-мъ вѣкахъ достигало до 900,000 жителей ³⁾; значитъ въ половинѣ 3-го вѣка христіане, жившіе въ столицѣ имперіи, составляли только незначительную часть всего ея населенія, менѣе $\frac{1}{20}$. За 50 лѣтъ, протекшихъ отъ написанія корниліемъ своего посланія къ Фабію до обращенія Константина въ христіанство, численность римской церкви, конечно, умножилась. На это, по крайней мѣрѣ, указываютъ слова Евсевія, что соперникъ Константина Максенцій, присвоивъ себѣ власть надъ Римомъ, сначала притворился чителемъ христіанской вѣрѣ „изъ угодливости и ласкательства римскому народу“ ⁴⁾, т.-е. Максенцій, по словамъ Евсевія, долженъ былъ считаться съ христіанскимъ населеніемъ своей сто-

1) Ср. Гиббонъ, цит. соч., II, 79.

2) Ср. Harnack, cit. op. s. 498.

3) Вопросъ о количествѣ римскаго населенія принадлежитъ къ наиболѣе спорнымъ; см. Schultze, I, 8; анм. 3; Harnack, 498; анм. 2; здѣсь взята средняя цифра.

4) Euseb. H. E. VIII, 14.

лицы. Но, если мы предположимъ даже, что къ IV-му вѣку число христіанъ въ Римѣ удвоилось, то и тогда получимъ въ нихъ $\frac{1}{10}$ всего римскаго населенія.

Къ такимъ же приблизительно результатамъ приводитъ разсмотрѣніе и тѣхъ данныхъ о количествѣ христіанъ, которые находятся въ распоряженіи науки относительно двухъ другихъ наиболѣе многолюдныхъ пунктовъ римской имперіи — Александріи и Антиохіи. О христіанскомъ населеніи перваго изъ поименованныхъ городовъ мы не имѣемъ никакихъ цѣфровыхъ указаній, но здѣсь хорошо обрисовываетъ дѣло одинъ фактъ изъ жизни св. Аѳанасія александрійскаго падающій на царствованіе Констанція, сына Константина Великаго. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Аѳанасія обвинили предъ царемъ въ недостаточной почтительности къ царской власти и въ доказательство обвиненія сослались на то, что александрійскій епископъ освятилъ новый „великій“ храмъ въ Александріи, не только не дождавшись указа царя, какъ тому слѣдовало бы быть по установившемуся при христіанскихъ царяхъ обычаю, но даже и не извѣстивши его объ этомъ. Аѳанасій долженъ былъ защищаться, — и вотъ какъ онъ оправдывался предъ Констанціемъ. По словамъ Аѳанасія, единственной причиной его поступка, — служенія въ новой церкви безъ разрѣшенія на то императора, — является многолюдство христіанъ въ его городѣ. Христіанское населеніе въ Александріи, — говоритъ Аѳанасій, — такъ увеличилось, что всѣхъ существующихъ тамъ храмовъ уже было недостаточно для того, чтобы помѣстить его въ себѣ. Этотъ недостатокъ особенно сильно давалъ себя чувствовать въ праздники и дни поста: въ четырехдесятницу, предшествовавшую незаконному служенію въ новомъ храмѣ, стеченіе народа въ церкви было такъ велико, что отъ тѣсноты большая часть дѣтей и не мало юныхъ женъ, большая часть старыхъ женщинъ и не мало юношей приносимы были домою раздавленными. Между тѣмъ наступалъ праздникъ Пасхи. По этому случаю къ епископскому храму собралось весьма много народу; по выраженію Аѳанасія, — „столько именно, сколько христіанскихъ царямъ можно желать, чтобы такое число христіанъ было въ каждомъ городѣ“. Опасаясь тѣсноты и въ тоже время желая провести праздникъ вмѣстѣ, александрійская паства не пошла въ епископскій храмъ и за

неимѣиємъ помѣстительнаго зданія, намѣревалась лучше удалиться за городъ и здѣсь, подъ открытымъ небомъ, совершить молитву. Справедливо находя это намѣрение паствы безпорядкомъ, Аѳанасій и рѣшилъ воспользоваться выстроеннымъ уже, но не совсѣмъ оконченнымъ храмомъ. Она пригласивъ туда паству и здѣсь устроивъ пасхальное богослуженіе ¹⁾.—Изъ рассказаннаго сейчасъ факта само собою вытекаютъ два любопытные вывода въ отношеніи къ нашему вопросу: во-первыхъ, христіанинъ въ Александріи было такъ много, что, по представленію Аѳанасія, каждый другой городъ могъ бы пожелать себѣ такого числа ихъ, а во-вторыхъ, все это множество христіанъ въ день Пасхи сѣмѣло умѣститься въ одномъ храмѣ. Какъ бы ни былъ великъ храмъ, о которомъ говоритъ Аѳанасій, все же его размѣры должны быть ограниченны. Если мы число александрійскихъ христіанъ, собравшихся въ одномъ храмѣ, опредѣлимъ даже въ 50,000, то это будетъ самая большая цифра, допустимая въ условіяхъ рассказываемаго Аѳанасіемъ факта, а такъ-какъ далѣе всѣхъ жителей Александріи къ началу IV вѣка было около полумилліона ²⁾, то слѣдовательно и здѣсь пропорція между языческимъ и христіанскимъ населеніемъ выразится тѣмъ же знакомъ $\frac{1}{10}$ доли, что и въ Римѣ.

Свѣдѣнія о количествѣ христіанскаго населенія въ Антиохіи,—третьемъ главномъ городѣ Римской Имперіи, — мы получаемъ изъ позднѣйшаго времени, изъ устъ св. Іоанна Златоуста, и на первый взглядъ свѣдѣнія неожиданныя. Въ своихъ проповѣдяхъ Златоустъ число христіанъ, сходящихся въ главную церковь, опредѣляетъ въ 100,000, тогда какъ, по его собственному показанію, все населеніе Антиохіи его времени равнялось 200,000; получается, такимъ образомъ, очень высокій процентъ: половина всего населенія,

¹⁾ Athan. Alex., Apologia ad Const. 15. 16. Статистической оцѣнкой этого факта наука обязана *исключительно* проф. В. В. Болотову, въ литографированныхъ лекціяхъ котораго мы нашли указаніе на него. Никто изъ западныхъ статистиковъ не догадался воспользоваться имъ въ этихъ цѣляхъ, а между тѣмъ онъ одинъ напр. способенъ разрушить весь отдѣлъ у Гарнака, посвященный вопросу о численности христіанъ въ Александріи и Египтѣ.

²⁾ Beloch. Die Bevölkerung der griechischrömischen Welt, 1 Th. Leipzig. 1886. s. 259.

а это должно свидѣтельствовать за большую численность антиохійскихъ христіанъ и къ началу 4-го вѣка. Но всматриваясь ближе въ извѣстіе Антиохійскаго проповѣдника, можно подмѣтить въ немъ небольшую неточность; рабы, иностранцы и дѣти у него входятъ въ общую сумму христіанъ, но исключаются изъ суммы язычниковъ ¹⁾. Исправляя этотъ учетъ, т.-е. добавляя къ показанной къ Златоусту цифрѣ иностранцевъ, языческихъ рабовъ и дѣтей, мы должны будемъ общее населеніе Антиохіи возвысить до полмилліона ²⁾, причемъ на долю христіанъ остается $\frac{1}{5}$ часть. Но Златоустъ проповѣдывалъ въ Антиохіи въ концѣ IV вѣка, когда уже прошло болѣе 60 лѣтъ, въ теченіи которыхъ церковь пользовалась покровительствомъ государства и милостями императора. Поэтому, и количество христіанъ, опредѣляемое Златоустомъ, нужно уменьшить по крайней мѣрѣ вдвое, чтобы получить вѣроятное число антиохійскаго христіанскаго населенія къ началу IV вѣка т.-е. остановиться на той же $\frac{1}{10}$ доли.

Казалось бы, выводы, сдѣланные сейчасъ относительно христіанскаго населенія трехъ важнѣйшихъ городовъ римской имперіи ко времени обращенія Константина, сами въ себѣ уже даютъ намъ возможность составить общее представленіе и о количествѣ всѣхъ христіанъ въ римскомъ государствѣ въ ихъ отношеніи къ язычеству. Одно простое логическое соображеніе уже, повидимому, говоритъ за то, что коль скоро въ этихъ столицахъ гражданственности, просвѣщенія и торговли христіанъ насчитывалось не болѣе $\frac{1}{10}$ части, то въ менѣе важныхъ провинціальныхъ городахъ, стоявшихъ вдали отъ торговыхъ путей и житейскаго взаимообщенія, ихъ процентъ по сравненіи съ язычниками долженъ быть гораздо ниже. Такое заключеніе было бы, однако, поспѣшнымъ. Въ большихъ городахъ, какъ Александрія и Антиохія и самое язычество обладало бѣльшей силой: великолѣпные храмы, множество жрецовъ, пышныя процессіи, торжественные праздники, наука и аристократія, стоявшая на сторонѣ національной религіи,—все это придавало язычеству блескъ и силу, съ которой трудно было бороться христіанству, со-

¹⁾ Homil. in Ignat. 4; hom. 85, 4.

²⁾ Гиббонъ, II, 76.

стоявшему по большей части изъ низшихъ слоевъ населенія и въ періодъ гоненій не смѣвшему показываться на Божій свѣтъ. Въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ эта задача выполнялась легче: здѣсь христіане достигали иногда такого успѣха, что не только становились преобладающимъ элементомъ въ городскомъ населеніи, но и весь городъ обращали въ свою вѣру. Рассказывая въ своей церковной исторіи о мученикахъ, пострадавшихъ въ гоненіе Діоклитіана, Евсевій упоминаетъ объ одномъ фригійскомъ городкѣ, все населеніе котораго оказалось христіанами, такъ что гонители, явившіеся сюда, не нашли ничего лучшаго, какъ обложить весь городъ, сожечь его и истребить всѣхъ жителей ¹⁾. Знаменитый основатель и учитель антиохійской школы, Лукіанъ, въ своей предсмертной рѣчи, произнесенной предъ казнью, указывая на бесполезность всѣхъ насильственныхъ мѣръ для подавленія христіанства, также свидѣтельствуетъ, что въ его время были цѣлые города, наполненные одними христіанами ²⁾. Поэтому, по отношенію къ восточнымъ областямъ римской имперіи, по отзывамъ всѣхъ изслѣдователей отличавшихся преимущественнымъ обиліемъ исповѣдниковъ новой религіи, процентъ, устанавливаемый при помощи разчета, примѣненного къ столичнымъ городамъ, долженъ быть повышенъ; возможно, что здѣсь онъ опредѣлялся $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{7}$ частью всего населенія.— Иначе дѣло обстояло на Западѣ. Имѣя своимъ центромъ и исходнымъ пунктомъ Римъ, христіанство въ западныхъ провинціяхъ (за исключеніемъ Африки) распространялось весьма туго и никогда не достигало до такой крупной цифры, какъ это было на Востокѣ. Даже въ такихъ торговыхъ и населенныхъ городахъ, какъ Ліонъ и Віенна въ южной Галліи, съ преобладающимъ греческимъ населеніемъ и потому стоявшихъ въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Востокомъ, оно появляется лишь во второй половинѣ второго вѣка. Первое извѣстіе о немъ мы получаемъ изъ посланія ліонскихъ мучениковъ къ азійскимъ и фригійскимъ церквамъ, описывающаго гоненіе, перенесенное ліонскими христіанами въ 177 году при императорѣ Маркѣ Авреліи ³⁾, причемъ число

¹⁾ Euseb. Hist. ecc. VIII, II.

²⁾ Orat. y Rufin, Hist. eccl. IX, 6.

³⁾ Посланіе помѣшено въ Церковной исторіи Евсевія (Н. Е. V, 1).

мучениковъ не возвышалось болѣе 49, хотя гоненіе было необыкновенно тяжело и къ процессу привлечена была вся церковь ¹⁾. Въ нашихъ ближайшихъ цѣляхъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о количествѣ христіанъ въ Галліи и Британіи,—странахъ, гдѣ вращался Константинъ въ первый періодъ своей государственной дѣятельности,—къ тому же и въ этомъ спеціальному пунктѣ наука не остается вполнѣ безпомощной. Уже уменьшительное выраженіе „conventicula“, употребленное Лактанціемъ ²⁾ въ извѣстіе о галльскихъ церквахъ, разрушенныхъ въ началѣ гоненія Діоклитіана по приказанію Констанція Хлора, отца Константина Великаго, даетъ понятъ, какъ мало насчитывалось въ Галліи христіанъ, если они довольствовались небольшими зданіями для своихъ богослужебныхъ собраній. Въ Трирѣ, резиденціи Константина, епископская кафедра въ первый разъ учреждена была въ половинѣ 3-го вѣка, но до 336-го года число христіанъ въ этой столицѣ Галліи было такъ ничтожно, что оно помѣщалось въ одномъ маленькомъ храмѣ ³⁾. Когда въ этомъ году св. Афанасій Александрійскій посѣтилъ Трирѣ, тамъ начали строить другую церковь; однако, до самаго конца IV вѣка Трирѣ оставался вполнѣ языческимъ городомъ ⁴⁾. И Британія, другая страна, въ которой лично бывалъ Константинъ, не могла похвастаться численностью своихъ христіанскихъ обитателей. Среди 400 западныхъ епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ въ Арминіѣ, собранномъ императоромъ Констанціемъ въ 359 году, присутствовало лишь три британскихъ епископа, заявившіе о себѣ съ исторіи собора только тѣмъ, что по своей бѣдности они согласились принять царское подаваніе для неизбѣжныхъ расходовъ, въ то время какъ всѣ остальные епископы, желая сохранить самостоятельность, отказались отъ государственной помощи ⁵⁾. Такимъ образомъ для западной половины имперіи, въ противоположность Востоку,

1) Hirschfeld. Zur Geschichte des Christent. in Lungdunum vor Constan-
tin in Sitzungsberich. d. k. preuss. Akad. d. Wiss. 1895, s. 381 f.—см. Har-
nack, cit. op. s. 307).

2) De mortibus persecut., c. 15.

3) Athanas. Alex. Apolog. ad Const. 15.

4) Schultze, cit. op., II, 101 f.

5) Sulpicius Sewerus, Chron. II, 41.

процентъ христіанъ, высчитываемый на основаніи свѣдѣній, относящихся къ Риму, долженъ быть значительно пониженъ; здѣсь онъ едва-ли превосходилъ $\frac{1}{20}$ часть всего населенія.

Значительно уступая язычникамъ въ количественномъ отношеніи, христіане въ тоже время представляли собой такой классъ населенія римской имперіи, который съ политической точки зрѣнія не имѣлъ никакой цѣнности или, если и имѣлъ, то весьма ничтожную. Государственный строй имперіи,—въ томъ видѣ, какъ онъ сложился къ 4-му в.,—опирался главнымъ образомъ на два класса населенія: на сельское, земледѣльческое сословіе и на войско. Земледѣльческій классъ выносилъ на своихъ плечахъ расходы по имперскому управленію, а войско, изъ котораго избирались начальники областей, префекты и проконсулы, обезпечивало внѣшнюю безопасность и внутренній порядокъ въ государствѣ. Политическій дѣятель, который пожелалъ бы достигнуть высшаго положенія въ имперіи, долженъ былъ бы прежде всего считаться съ настроеніемъ этихъ двухъ классовъ и заботиться о приобрѣтеніи себѣ поддержки у нихъ. Но какъ разъ именно среди сельскаго населенія и служивыхъ людей христіанство вплоть до IV вѣка и встрѣчало себѣ менѣе радушный пріемъ. Въ римской имперіи земледѣльческое сословіе, какъ и теперь, представляло собой наиболѣе консервативный элементъ населенія, ревниво привязанный къ преданіямъ отцовъ; философія, пошатнувшая вѣру въ боговъ въ образованныхъ городскихъ кружкахъ, была здѣсь совершенно неизвѣстна; всякая перемѣна воспринималась здѣсь строго, и всякое новое ученіе выслушивалось съ заранѣе опредѣляющимъ его участь нерасположеніемъ. Съ другой стороны, и распространеніе христіанства шло преимущественно по великимъ торговымъ путямъ древняго міра, по болѣе многолюднымъ и заселеннымъ городамъ, оставляя безъ вниманія лежавшія въ глубинѣ страны села и захолустья. Церковь первыхъ трехъ вѣковъ христіанства была церковью городовъ; на языкѣ древнѣйшихъ писателей, напр., у Егезиппа выраженіе „въ каждомъ епископскомъ преемствѣ“ совершенно тождественно съ выраженіемъ „въ каждомъ городѣ“¹⁾. Конечно, и римское крестьянство

¹⁾ Zahn. Skizzen aus dem Leben der alten Kirche. Leipzig, 1894; s. 304; anm. 10.

не осталось вполне незатронутымъ христіанскою проповѣдью; еще Плиній въ началѣ 2-го вѣка жаловался на то, что христіанская зараза проникла не только въ города, но въ села и деревни Визинской провинціи; монтеизмъ также зарождается среди христіанъ сельскаго сословія, жившихъ въ одномъ Фригійскомъ захолустьи. Но это лишь рѣдкіе примѣры, относящіеся притомъ къ одной восточной окраинѣ римской имперіи, которые ни мало не измѣняютъ общаго положенія дѣла. Образование христіанскихъ общинъ по селамъ и деревнямъ началось собственно только со второй половины 3-го вѣка, такъ какъ именно изъ этой эпохи мы получаемъ первые и очень скудныя свѣдѣнія о лицахъ духовнаго сана, проходившихъ свое служеніе въ селахъ (такъ называемыхъ хорепископахъ). Но насколько туго подвигалось распространеніе христіанства въ коренномъ земледѣльческомъ населеніи, это видно изъ того, что христіанскіе государи главную энергію въ борьбѣ съ язычествомъ должны были направить на это сословіе, и однако, извѣстно, что паганизмъ нигдѣ такъ долго не удерживался, какъ среди крестьянства. Столь же мало послѣдователей христіанство могло насчитать и въ рядахъ войска. Во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ римскія войска вербовались отчасти изъ того же сельскаго класса населенія, мало знакомаго съ христіанствомъ, отчасти же и главнымъ образомъ изъ варварскихъ германскихъ племенъ, попадавшихъ въ плѣнъ или просто переходившихъ на службу имперіи за плату и ничего не знавшихъ о христіанствѣ. Какъ ничтоженъ былъ въ войскахъ христіанскій элементъ, это съ полною очевидностью открывается изъ факта, случившагося незадолго до открытія общаго гоненія на христіанъ при Діоклитіанѣ. Предполагая возбудить преслѣдованіе на христіанъ своей имперіи, Діоклитіанъ, по извѣстію Евсевія ¹⁾, предварительно приказалъ очистить отъ нихъ всѣ войска,— и это приказаніе немедленно было исполнено. Безъ сомнѣнія, Діоклитіанъ отказался бы отъ такого категорическаго распоряженія, если бы исполненіе его сопряжено было съ какимъ-либо существеннымъ урономъ для арміи.— Преобладающее большинство христіанъ къ началу IV вѣка мы должны искать не въ арміи и не въ земледѣльческомъ сосло-

¹⁾ Euseb. H. E. VIII. 4; см. Lactantius, De mort persec. c. X.

віи, а среди городского населенія, которое по своей болѣе высокой культурности, нѣкоторому знакомству съ выводами классической философіи и страсти къ всевозможнымъ новшествамъ, представляло собой наиболѣе благодарную почву для распространенія христіанства. Но и въ городахъ большая часть знатныхъ семействъ и высшей интеллигенціи оставалась еще вѣрной язычеству. Аристократію связывали съ язычествомъ старыя традиціи, на которыхъ покоилось ея собственное значеніе, а ученый языческій міръ упорно продолжалъ видѣть въ христіанствѣ врага не только древней религіи, но и всей классической науки и культурѣ. Въ городахъ на сторонѣ христіанства стоялъ тотъ классъ населенія, который въ настоящее время обозначается обыкновенно именемъ средняго. При сильномъ развитіи въ древнемъ мірѣ городской жизни, это былъ классъ довольно многочисленный, но какъ разъ именно онъ въ тогдашнемъ строѣ римской имперіи т.-е. *политически* ровно ничего и незначилъ. Политическому карьеристу онъ не могъ давать никакихъ ручательствъ.

Итакъ, обзоръ положенія христіанъ въ римской имперіи ко времени правленія Константина убѣждаетъ насъ, что ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи христіане той эпохи не составляли изъ себя такой политической силы, которая могла бы привлечь къ себѣ Константина по однимъ внѣшнимъ расчетамъ на ея поддержку. Такого рода расчеты вообще были неприменимы къ современному Константину христіанству, ибо что привлекательнаго, заманчиваго для честолюбія могли имѣть въ себѣ христіане того времени? Значительно уступая въ своей численности язычеству, лишеныя всякаго политическаго вліянія, они къ тому же были запуганы еще послѣднимъ гоненіемъ и стояли въ сторонѣ отъ всякихъ соприкосновеній съ политикой, заботясь только о приготовленіи себя къ будущей жизни. Какую опору могла дать эта кучка забывшихъ о мірскихъ интересахъ людей полководцу, стремившемуся къ обладанію всей имперіей? Что они могли предложить ему, кромѣ своихъ молитвъ? Правда, изъ исторіи религіозныхъ движеній мы знаемъ, что иногда и небольшая кучка людей, одушевленныхъ одной идеей, оказывалась сильнѣе своихъ противниковъ, хотя бы она и была малочисленна и стояла внѣ покровительства законовъ: въ началѣ XVII вѣка,—замѣчаетъ Гиббонъ,—папи-

сты въ Англіи составляли лишь тринадцатую, а протестанты во Франціи лишь пятнадцатую часть населенія, и однако постоянно внушали ужасъ своимъ мужествомъ и вліяніемъ. Но древніе христіане не прибѣгали къ насилію и не защищали себя съ оружіемъ въ рукахъ, да и дѣло папистовъ въ Англіи и протестантовъ во Франціи было проиграно. Безъ сомнѣнія, говоря словами того же Гиббона ¹⁾, „среди безнравственнаго языческаго населенія начала IV-го вѣка, съ равнодушіемъ рабовъ смотрѣвшаго на перемѣну своихъ повелителей“, мужественное, сплоченное и нравственно—высокое общество христіанъ представляло собой единственное здоровое зерно во всей имперіи и могучую моральную силу, способную возродить государственную жизнь, но нужно было сначала убѣдиться въ здравости этого зерна, сначала повѣрить въ эту моральную силу, а потомъ уже пользоваться ею. Такъ было и съ Константиномъ Великимъ. Если христіане своею готовностью жертвовать за нею жизнь и состояніемъ и дѣйствительно оказали помощь его политическимъ планамъ, то это явилось слѣдствіемъ обращенія Константина въ христіанство, не причиной его.

II.

Попытка представить обращеніе Константина въ христіанство, какъ тонкій политическій маневръ, есть продуктъ новѣйшей исторіографіи. Древность, тоже не мало занимавшая этимъ вопросомъ, оставила намъ совершенно инныя объясненія его. Изъ этихъ объясненій наибольшаго вниманія заслуживаютъ три разсказа, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ перу языческаго историка V-го вѣка Зосима, а два другихъ изложены христіанскими писателями—Евсевіемъ, еп. Кесарійскимъ, на страницахъ его книги „О жизни Константина“ и Лактанціемъ въ его извѣстномъ трудѣ: „О смерти гонителей“.

Разсказъ Зосима любопытенъ. „Послѣ того, какъ,—пишетъ Зосимъ,—вся имперія подпала подъ власть Константина, онъ уже не скрывалъ болѣе злонавія, всѣяннаго въ его природу, но отдавшись своимъ страстямъ началъ дѣйствовать насиліемъ; отеческимъ богослуженіемъ онъ доселѣ еще пользовался но не столько ради уваженія къ нему, сколько по не-

¹⁾ II, 361.

обходимости; поэтому и прорицателямъ вѣрилъ, опытно узнавши, что истину предсказывали они касательно всего, совершеннаго имъ. Когда же прибылъ въ Римъ (въ 326 г.) полный всякой дерзости, съ собственнаго семейства положилъ начало своему нечестію. Не обращая никакого вниманія на родственные узы, онъ умертвилъ своего сына Криспа Цезаря, заподозривъ его въ близкихъ сношеніяхъ съ Фаустой, его мачихой ¹⁾. Когда же Елена, мать Константина, пораженная такимъ несчастіемъ, впала въ безутѣшную скорбь по убитомъ юношѣ, Константинъ, какъ бы въ утѣшеніе ея, исцѣлилъ прежнее зло новымъ и бѣльшимъ: приказавъ чрезмѣрно натопить баню, онъ посадилъ туда Фаусту и вывелъ мертвою. Сознывая себя виновнымъ во всемъ этомъ и, кромѣ того, въ презрѣніи обрядовъ религіи, онъ обратился къ жрецамъ, требуя отпущенія грѣховъ. Когда же они отвѣтили ему, что имъ не предано такого способа очищенія, который могъ бы изгладить столь нечестивыя преступленія, какой-то египтянинъ, прибывшій изъ Испаніи въ Римъ и сблизившійся съ придворными дамами ²⁾, получивъ доступъ къ Константину, убѣдилъ его, что христіанское ученіе можетъ отпускать какіе-угодно грѣхи и такое имѣеть обѣтованіе, что нечестивые, принимающіе его, тотчасъ же освобождаются отъ всякаго порока. Скоро поддавшись этимъ убѣжденіямъ и отвергнувъ отеческіе обряды, Константинъ присоединился къ наставленіямъ, какія преподалъ ему египтянинъ, и свое нечестіе обнаружилъ тѣмъ, что усумнился въ предсказаніяхъ, а такъ какъ посредствомъ ихъ были предвозвѣщены ему многія благопріятныя событія, осуществившіяся на самомъ дѣлѣ, то опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ враговъ его не воспользовался ими противъ его, онъ рѣшилъ уничтожить ихъ. Когда же по отеческому обычаю наступилъ праздникъ, въ который войску нужно было восходить въ Капитолій, въ презрительныхъ словахъ подвергнувъ этотъ обычай порицанію и уклонившись отъ священныхъ преданій, наслѣдовалъ ненависть сената и народа“ ³⁾.

Таковъ рассказъ Зосима. Откидывая изъ этого рассказа тенденціозную оболочку, какую онъ естественно долженъ быть

¹⁾ Т. е. второй женой Константина.

²⁾ По догадкѣ Буркгардта здѣсь разумѣется Осія Кордубскій.

³⁾ Zosimus, Hist. II, 29.

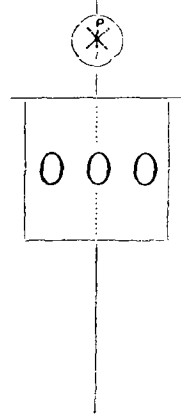
принять въ устахъ язычника, мы легко откроемъ въ немъ извѣстіе, само по себѣ вѣроятное и нимало не роняющее ни нравственной цѣнности поступка Константина, ни достоинства той религіи, къ которой онъ обратился. Въ существѣ дѣла Зосимъ въ приведенномъ разсказѣ говоритъ только то, что Константинъ поспѣшилъ отказаться отъ культа отцовъ и примкнулъ къ новому нечестію потому, что культъ отцовъ не могъ доставить ему того нравственнаго удовлетворенія, въ которомъ онъ такъ сильно нуждался. Дѣйствительно, въ 326 году, во время посѣщенія Константиномъ Рима, по приказанію его были умерщвлены его старшій сынъ и жена; несмотря на всѣ усилія, историкамъ доселѣ не удалось разъяснить этой загадочной трагедіи въ семейной жизни Константина, тѣмъ болѣе, что и самыя свѣдѣнія древности о ней крайне отрывочны и противорѣчивы. Но несомнѣнно, что эти тяжелыя событія, пережитыя Константиномъ въ Римѣ, въ которыхъ, повидимому, онъ считалъ виновникомъ себя, сильно повліяли на его душевное состояніе. Именно, около этихъ годовъ въ немъ замѣчается необыкновенное усиліе набожности: онъ удвоилъ льготы въ отношеніи къ церкви и рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, сталъ заявлять себя христианиномъ.—Но когда языческій историкъ съ событіемъ 326 года хочетъ связать начальный моментъ обращенія Константина въ христіанство, то онъ впадаетъ въ грубую хронологическую ошибку. Неподлежащіе ни малѣйшему сомнѣнію официальные документы, сохранившіеся въ церковной исторіи Евсевія, съ полной очевидностью удостовѣряютъ насъ, что сближеніе Константина произошло гораздо ранѣе 326 года, что, по крайней мѣрѣ начиная съ 313 года, онъ стоялъ въ союзѣ съ христіанскою церковью и дѣйствовалъ на пользу ея и что, слѣдовательно, первое сближеніе его съ христіанами совершилось ранѣе эпизода, передаваемого у Зосима. Это, впрочемъ, признаетъ и самъ Зосимъ: онъ свидѣтельствуеъ, что и ранѣе событія 326 года Константинъ держался религіи отцовъ только по необходимости и даже презиралъ древніе обряды.

Разсказъ Евсевія всеѣмъ намъ хорошо знакомъ съ ранняго дѣтства ¹⁾. Вынужденный политическими обстоятель-

¹⁾ Eus., Vita Constantin., I, 27—31.

ствами выступить въ походъ на Максенція, захватившаго власть надъ Италіей и Римомъ,—въ походъ, который по человѣческимъ расчетамъ обѣщаль мало хорошаго, — Константинъ пришелъ въ смущеніе на счетъ предстоявшаго ему дѣла и сталъ размышлять о томъ, какого бы бога призвать ему на помощь? Обдумывая этотъ вопросъ, Константинъ припомнилъ, что большинство прежнихъ государей, возлагавшихъ свою надежду на многихъ боговъ, были обманываемы льстивыми оракулами, обольщались ложными предсказаніями и оканчивали дѣло неблагопріятно, такъ что не осталось ни рода ихъ, ни племени, ни имени, ни памяти. Одинъ только отецъ его—Констанцій Хлоръ—шелъ противоположнымъ путемъ: чтя во всю свою жизнь единого верховнаго Бога всяческихъ, онъ нашель въ Немъ своего руководителя, и Богъ давалъ ему поразительныя доказательства Своей силы. Сообразивъ все это, Константинъ началъ призывать этого Бога своего отца, просить Его, чтобы Онъ явилъ ему Себя и удостовѣрилъ въ Своей помощи. И вотъ, однажды послѣ полудня, когда солнце стало склоняться къ западу, царь собственными глазами увидѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью: „симъ побѣждай“. Это зрѣлище объяло ужасомъ какъ его самого, такъ и все войско, которое, само не зная куда, шло за царемъ. „Не легко было бы повѣрить этому,—замѣчаетъ Евсевій,—если бы говорилъ кто—другой; но насъ съ клятвою увѣрялъ въ этомъ самъ побѣдоносный царь, когда, спустя долго послѣ того, мы писали настоящее сочиненіе и удостоились его знакомства и бесѣды“.—Однако, на первый разъ чудесное видѣніе ни мало не успокоило царя, а напротивъ подняло въ немъ новые тревожные вопросы о томъ, что могло бы оно значить? Въ ближайшую ночь,—продолжаетъ разсказывать Евсевій, Константинъ удостоился новаго откровенія; во снѣ къ нему явился Христосъ съ знаменіемъ, видѣннымъ на солнцѣ и повелѣлъ сдѣлать ему такое же воинское знамя, чтобы употреблять его противъ враговъ, Вставши на утро, Константинъ разсказалъ друзьямъ свою тайну и затѣмъ, призвавъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, описалъ имъ видъ явленнаго знаменія, поручивъ изготовить его въ точности. Это и есть знаменитый въ исторіи Константиновскаго дома и вообще въ исторіи византійскихъ императо-

ровъ—Labaum.—Происхождение и значеніе самого термина доселѣ вызываетъ споры; по болѣе вѣроятному объясненію оно заимствовано изъ языка кельтческаго племени Басковъ, жившаго въ Пиринейхъ и частью въ Галліи и значить просто „знамя“¹⁾. Его внѣшнее устройство, какое далъ ему Константинъ, хорошо извѣстно. Евсевій видѣлъ его собственными глазами и оставилъ намъ подробное описаніе его. — Представьте себѣ довольно длинное копье, обложенное золотомъ, поперекъ котораго, ближе къ вершинѣ, придѣлана была рея или палка такъ, что вмѣстѣ съ копьемъ они образовывали форму продолговатаго четырехконечнаго креста. Съ поперечной рей спускался квадратный, вышитый золотомъ и украшенный драгоценными камнями кусокъ матеріи, на которомъ помѣщались художественно-сдѣланныя изображенія Константина и его сыновей. Наконецъ—и самое важное—выше поперечника къ концу копья прибитъ золотой съ драгоценными камнями вѣнокъ, содержащій внутри себя или, точно говоря, окаймлявшій монограмму имени Христа. Монограмма слагалась изъ двухъ золотыхъ буквъ греческаго алфавита: χ и ρ ,—причемъ двѣ линіи, обозначающія χ , въ точкѣ пересѣченія имѣли основную линію буквы ρ такъ, что закругленіе послѣдней возвышалось надъ уровнемъ первой. Такой же монограммой Константинъ украсилъ, впоследствии, и свой шлемъ, а знамена—Labaum'ы приказалъ устроить и носить при всѣхъ отрядахъ своихъ войскъ.

Въ церковно-исторической наукѣ, особенно протестантской, рассказъ Евсевія съ давнихъ поръ вызываетъ противъ себя рядъ серьезныхъ возраженій. Прежде всего, въ устахъ самого Евсевія онъ появляется слишкомъ поздно, чтобы съ научной правоспособностью засвидѣтельствовать такой необычайный фактъ, какъ явленіе креста на небѣ. Сочиненіе „О жизни Константина“, въ которомъ излагается этотъ рассказъ, написано было Евсевіемъ не ранѣе 337-го года, т.-е.

¹⁾ Laven. Konstantin der Grosse und das Zeichen am Himmel. Trier, 1902. г. 20. 21.

цѣлюю четверть вѣка спустя послѣ чудеснаго событія, между тѣмъ какъ въ болѣе раннемъ своемъ произведеніи „Церковной исторіи“ онъ еще ничего не знаетъ о немъ. Рассказывая здѣсь о походѣ Константина на Максенція и обращеніи его въ христіанство, Евсевій ограничивается простымъ сообщеніемъ, что Константинъ побѣдилъ Максенція съ помощію Божіею и что предъ началомъ битвы „онъ набожно взывалъ къ помощи Бога небеснаго и Сына Его Іисуса Христа (Н. Е. IX, 9)“,— и только... Какъ могло случиться, что епископъ виднѣйшей катедры Востока, специально притомъ занимавшійся изученіемъ дѣятельности Константина, обзору которой онъ посвящаетъ 9 и 10 главы своей исторіи, въ теченіе 25 лѣтъ ничего не зналъ о великомъ событіи, обусловившемъ побѣду христіанства надъ язычествомъ? Если явленіе креста, какъ передавалъ ему Константинъ, дѣйствительно произошло въ виду всего войска, если тайну ночного видѣнія самъ царь тотчасъ же повѣдалъ своимъ друзьямъ, то молва объ этихъ событіяхъ немедленно должна была облетѣть весь христіанскій міръ, уже тогда внимательно присматривавшійся къ Константину,—быстро достигнуть самыхъ отдаленныхъ уголковъ его. Такому епископу, какъ Евсевій Кесарійскій, жившему въ центрѣ христіанства, она не могла бы остаться неизвѣстной. Это недоумѣніе еще болѣе возрастаетъ въ своей силѣ, если принять во вниманіе, что, по заявленію самого Евсевія, Константинъ въ первый разъ сообщилъ ему о чудесномъ видѣніи креста только „спустя долгое время“ послѣ самаго событія и что до этого времени о немъ не знали не только самъ Евсевій, но и его греческіе современники. Ибо если бы оно извѣстно было тогдашнимъ христіанамъ, Евсевій не преминулъ бы сослаться на нихъ, да и торжественная клятва Константина, удостоверяющая событіе, была бы излишня. Далѣе. Анализируя рассказъ Евсевія въ его подробностяхъ, легко можно замѣтить въ немъ рядъ неясностей, недомолвокъ и даже противорѣчій, рождающихъ новыя сомнѣнія въ исторической цѣнности его сообщенія. Странно то, что Кесарійскій епископъ не знаетъ точно ни времени, ни мѣста, гдѣ произошло описываемое имъ событіе, хотя основывается на свидѣтельствѣ очевидца. Относительно времени, онъ довольствуется общими фразами о томъ, какъ Константинъ рѣшился начать походъ

противъ Максенція и сталъ раздумывать о томъ, какого бы бога призвать въ помощники себѣ; что же касается до мѣста событія, то у него нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ представлений о немъ. Повидимому оно произошло при лагерѣ Константина, такъ какъ свидѣтелемъ его было все войско, но о самомъ войскѣ Евсевій замѣчаетъ, что, объятое ужасомъ, оно слѣдовало само не зная куда. Затѣмъ и самое событіе излагается сбивчиво и туманно. Константинъ видитъ на небѣ *знаменіе креста*, съ тѣмъ же знаменіемъ является къ нему во снѣ и Христосъ, но, по разсказу Евсевія, на своемъ лабарумѣ и шлемѣ, а также на шлемахъ и знаменахъ своихъ войскъ онъ дѣлаетъ не изображеніе креста, какъ слѣдовало бы ожидать по содержанію явленія, а *монограмму* имени Христа. Откуда эта разница? не говоритъ ли она о томъ, что Евсевій самостоятельно распространяетъ сказанное ему Константиномъ, или что въ памяти самого Константина дивное событіе, пережитое въ тяжелыя минуты раздумья, съ теченіемъ времени обогатилось новыми подробностями, не имѣвшими фактическаго основанія? Столь же малопонятною является и та черта въ разсказѣ Евсевія, что Константинъ не довольствуется наиболѣе чудеснымъ видѣніемъ, дарованнымъ ему днемъ, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, съ яснымъ повелѣніемъ побѣждать своихъ враговъ при помощи явленнаго знамени, а ждетъ вторичнаго откровенія и удовлетворяется имъ, хотя оно получено во снѣ, т. е. въ условіяхъ гораздо менѣе необычайныхъ и поразительныхъ. Но главный ударъ Кесарійскому историку наносятъ все-таки не эти внутреннія недочеты его собственнаго повѣствованія. Онъ имѣетъ опаснаго соперника въ другомъ христіанскомъ современникѣ Константина, извѣстномъ Лактанціи, который разсказываетъ о томъ же чудесномъ событіи въ жизни Константина, но передаетъ его значительно иначе. Лактанцій—не случайное какое-либо лицо въ вопросѣ о видѣніи Константина. Ученый риторъ, изъ язычества обратившійся въ христіанство и своими произведеніями стяжавшій славу христіанскаго Цицерона, Лактанцій быть можетъ въ 307 или 308 г. былъ призванъ Константиномъ къ себѣ, чтобы стать воспитателемъ старшаго, потомъ казеннаго, сына Криспа, и съ тѣхъ поръ находился при дворѣ Константина. Поэтому, Лактанцію скорѣе, чѣмъ кому-либо дру-

гому, должны были быть извѣстными чудесныя обстоятельства, сопровождавшія походъ на Максенція, и дѣйствительно, въ своемъ сочиненіи „О смерти гонителей“, написанномъ не позже 315 г., т.-е. самое большое года два спустя послѣ похода, онъ, описывая этотъ походъ, точно указываетъ время и мѣсто совершившихся здѣсь событій. Но онъ ничего не знаетъ о явленіи креста на солнцѣ. Все его извѣстіе сводится къ тому, что Константинъ, приблизившись къ Риму, не задолго до послѣдней битвы съ Максенціемъ, во время сна (*In quiete*), получилъ вразумленіе свѣта (*commonitus est*— былъ побужденъ) изобразить на щитахъ войска небесное знаменіе (*coeleste insignum*), которое состояло изъ монограммы имени Христа, и съ этимъ знаменіемъ побѣдилъ тирана ¹ Лактанцій такимъ образомъ подтверждаетъ лишь вторую половину разсказа Евсевія о ночномъ видѣніи, не возбуждающую никакого сомнѣнія. Но за то тѣмъ большій вѣсъ приобретаетъ молчаніе его о первой, болѣе спорной, части разсказа касательно видѣнія на солнцѣ, потому что трудно допустить, чтобы столь необычайное событіе, случившееся въ виду всего войска, могло остаться неизвѣстнымъ ни самому Лактанцію, воспитателю дѣтей Константина, ни тѣмъ придворнымъ кружкамъ, въ которыхъ онъ вращался.

Прежде чѣмъ перейти къ критической оцѣнкѣ этихъ возраженій, предъявляемыхъ противъ Евсевія, не бесполезно будетъ, по нашему мнѣнію, сказать нѣсколько словъ о церковномъ значеніи его разсказа. Безспорно, что Евсевіева повѣсть о чудесномъ видѣніи креста, явленномъ Константину на солнцѣ, принадлежитъ къ числу наиболѣе драгоценныхъ и возвышенныхъ преданій христіанской исторіи. На рубежѣ двухъ великихъ эпохъ преслѣдуемаго и торжествующаго надъ міромъ христіанства, она рисуется величественную картину, въ которой въ лицѣ императора весь языческій міръ, извѣрившійся въ своихъ боговъ, смиренно склоняется предъ силою доселѣ гонимаго христіанскаго Бога и въ чудесныхъ явленіяхъ обоготворяемой имъ природы получаетъ торжественное удостовѣреніе въ дѣйствительности Его всемогущества. Окончательное торжество христіанства, а равно и все дѣло.

¹) *Lact. De mort. persec.*, c. 44.

совершенное Константиномъ, оно ставитъ подъ непосредственное воздѣйствіе Божіе, внѣ естественныхъ причинъ и человѣческихъ дѣйствій.—Въ душѣ современниковъ Константина и ближайшихъ ему поколѣній, еще не забывшихъ о тяжкихъ страданіяхъ за вѣру, рассказъ Евсевія долженъ былъ будить много самыхъ радостныхъ и возвышенныхъ чувствъ: въ побѣдѣ Константина они переживали свои собственные побѣды, въ небесной помощи, оказанной ему, видѣли свою собственную помощь. Но и для болѣе позднѣйшихъ временъ онъ служилъ неизсякаемымъ источникомъ религіознаго восторга, являясь фактическимъ свидѣтельствомъ всепобѣждающей силы христіанства. Неудивительно, поэтому, что онъ скоро заставилъ забыть все другія версіи рассказовъ объ обращеніи Константина и сдѣлался общепринятымъ и непререкаемымъ достояніемъ христіанскаго преданія.

Но этотъ общепризнанный авторитетъ за рассказомъ Евсевія установился не вдругъ. Въ IV и V вѣкахъ съ нимъ еще не связывали никакого мистическаго значенія, и если при изложеніи исторіи Константина любили обращаться къ нему, то видѣли въ немъ только достопамятное сказаніе, подлежащее, однако, законамъ исторической критики. На Западѣ редація Евсевія осталась совершенно неизвѣстной; она здѣсь замѣнена была другою, совершенно независимой отъ Евсевія и Лактанція, версіей, господствовавшей въ теченіе всего средневѣковья и возникшей на почвѣ легендарныхъ сказаній о крещеніи Константина въ Римѣ папой Сильвестромъ. По этому теперь совсѣмъ забытому разсказу, Константинъ первоначально былъ гонителемъ христіанства; пораженный за это проказой, онъ подъ вліяніемъ слезныхъ просьбъ матери и семьи рѣшился на ужасное средство, которое посоветовали ему жрецы Капитолія,—искупаться въ крови новорожденныхъ дѣтей. Ночное видѣніе удержало его отъ этого преступленія: во снѣ ему явились апп. Петръ и Павелъ и въ христіанскомъ крещеніи указали спасительный путь очищенія отъ проказы. Тенденціозный характеръ римской легенды не нуждается въ доказательствахъ, но любопытно, что и на Востокѣ, гдѣ съ обращеніемъ Константина не связывали никакихъ мѣстныхъ интересовъ, рассказъ Евсевія не сразу устранилъ соперничавшія съ нимъ редакціи.

Въ 444 году окончили свою исторію константинопольскіи схоластикъ Созоменъ; свой трудъ онъ посвятилъ царствовавшему тогда императору Феодосію Младшему и ничего не опустилъ, чтобы назидательностью своихъ повѣствованій стяжать милость благочестиваго царя. Разсказъ Евсевія о необычайномъ небесномъ покровительствѣ, явленномъ въ отношеніи къ великому предшественнику его, могъ бы хорошо служить этой цѣли: однако, историкъ нимало не старается придать ему исключительное значеніе. Сначала онъ сообщаетъ новую версію разсказа, что Константинъ видѣлъ крестное знаменіе во снѣ и что слова „симъ побѣдиши“ сказали ему ангелы, представшіе ему во время того же сна: эта версія, повидимому, представляется ему наиболѣе правдоподобной; затѣмъ онъ передаетъ разсказъ, близкій къ Лактанцію, хотя и не вполне сходный съ нимъ, и только теперь обращается къ Евсевію и кратко воспроизводитъ его повѣствованіе, ничѣмъ не выдѣляя его изъ ряда другихъ, сообщаемыхъ имъ версій¹⁾. Эта исторія Евсевіевой редакціи на Западѣ и на Востокѣ сама по себѣ уже показываетъ, что древняя церковь отнюдь не связывала съ ней; какого-либо непререкаемаго или каноническаго авторитета и представляла его на свободное усмотрѣніе каждаго. Намъ думается, что точка зрѣнія древней церкви, осуществленная въ исторіи Созомена, должна быть принята и современной церковно-исторической наукой при научномъ обсужденіи разсказа Евсевія. Возраженія, сдѣланныя противъ него, не могутъ и не должны быть а—ргіогі отвергаемы только потому, что они идутъ главнымъ образомъ со стороны протестанства и направляются противъ крѣпко засѣвшаго въ умахъ историческаго преданія. Никто и ничто не пострадаетъ отъ того, если на основаніи точнаго научнаго анализа, не руководствующагося никакими сторонними тенденціями, извѣстіе напр. Лактанція или Созомена,—тоже христіанскихъ историковъ,—будетъ признано вѣроятнѣе разсказа Евсевія.

Но дѣйствительно ли обвиненія, предъявленныя противъ Евсевія, настолько вѣски, что въ силахъ поколебать всякую историческую достовѣрность его и въ тѣхъ подробностяхъ, какими онъ отличается отъ Лактанція, заставитъ насъ при-

¹⁾ Sozom., H. E. I. 3.

знать его чистымъ изобрѣтеніемъ фантазіи. Многое не позволяетъ отвѣчать на этотъ вопросъ рѣшительнымъ утвержденіемъ. Уже примѣняя одну только логическую мѣрку къ разбору возраженій, можно скоро замѣтить, что далеко не всѣ они такъ сильны, какъ это кажется на первый взглядъ. Исходнымъ пунктомъ для оцѣнки извѣстія Евсевія, какъ мы видѣли, служитъ фактъ его молчанія о чудесномъ явленіи въ своей церковной исторіи. Евсевій—говорятъ намъ—уже тогда необходимо долженъ былъ знать о чудесномъ событіи, если бы оно дѣйствительно произошло на глазахъ всего войска. Но доказана ли эта необходимость? Не только не доказана, но можно привести солидный рядъ соображеній, хорошо уясняющихъ, почему при написаніи своей церковной исторіи Евсевій не могъ получить точныхъ свѣдѣній о всемъ, совершившемся во время похода Константина на Максенція. Прежде всего, самъ Кесарійскій епископъ вовсе не утверждаетъ, что свидѣтелемъ чудеснаго явленія на небѣ была вся совокупность войска, слѣдовавшаго за Константиномъ въ Италію. Онъ выражается осторожно и употребляетъ не *στρατιά* или *στράτευμα*, что безспорно обозначало бы собой все войско, а *στρατιωτικὸν ἔλας*, т. е. всѣ военные, а это въ узкомъ смыслѣ можетъ указывать только на начальниковъ войска, на ближайшую свиту или придворный штабъ, который не могъ быть многочисленнымъ ¹⁾. Съ другой стороны, изъ показаній языческаго историка Зосима извѣстно, что въ походъ на Римъ Константинъ взялъ съ собою не всѣ свои галльскія войска, а только одну $\frac{1}{4}$ ихъ ²⁾, оставивъ прочія части въ Галліи для защиты ея границъ отъ ожидаемаго вторженія германскихъ варваровъ. Изъ этой ¹⁾

¹⁾ Доводъ, заимствованный у проф. В. В. Бологова. Филологически онъ не совсемъ обоснованъ; см. Stephani, Thesaurus graecae linguae, t. VII; слова: *στράτευμα*, *στρατιά* и *στρατιωτικός*; съ присоединеніемъ *ἔλας*, *στρατιωτικὸν* несомнѣнно равняются *στράτευμα*, но согласно общему употребленію слова *στρατιωτικός* предлагаемое толкованіе возможно. Мы намѣренно включаемъ въ свою статью все, что мы нашли у Бологова касательно нашего вопроса. Лекція его едвали увидятъ свѣтъ; между тѣмъ, въ нихъ много новыхъ соображеній и оригинальныхъ комбинацій; приведенныя свѣдѣнія хотя сколько-нибудь помогутъ охранить его обширныя познанія отъ полнаго забвенія.

²⁾ Zosim. cit. op. ср. Seeck. Geschichte d. Untergangs der antiken Welt, Berlin, 1897, I. 118.

галльскихъ воиновъ значительная часть погибла въ трудностяхъ похода и сраженіяхъ, а остальные, послѣ побѣды надъ Максенціемъ, были распущены по домамъ и возвратились снова въ галльскія захолустья. Почему не допустить, что ни одинъ изъ воиновъ, сопровождавшихъ Константина въ походъ, совсѣмъ и не появлялся въ Палестинѣ, гдѣ Евсевій писалъ свою исторію? Жителю Галліи, не говорившему по-гречески, едва-ли могла представиться какая-либо нужда быть на Востокѣ, который къ тому же находился тогда подъ властію нерасположеннаго къ Константину Максимиана. Отсюда видно, что молчанію Евсевія въ церковной исторіи придается совсѣмъ не принадлежащее ему значеніе; Евсевій молчалъ быть можетъ потому, что или онъ совсѣмъ не слышалъ ничего о чудесномъ явленіи или, если и слышалъ, то не могъ собрать надлежащихъ справокъ, писать же только по слухамъ о столь важномъ событіи онъ не рѣшался. Изъ этихъ условій хорошо объясняется и та, повидимому, неумѣстная клятва, которою Константинъ удостовѣрилъ свою исповѣдь предъ Евсевіемъ. По замѣчанію самого историка, царь рассказалъ ему о видѣнныхъ чудесныхъ явленіяхъ только спустя долгое время послѣ самыхъ событій, когда Евсевій стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, а это случилось послѣ того, какъ Константинъ, отстроивъ новую столицу на Босфорѣ, окончательно переселился на Востокъ: военачальники новыхъ восточныхъ легионовъ смѣнили теперь въ свитѣ царя прежнихъ галльскихъ воиновъ, участвовавшихъ въ походѣ на Максенція, и нѣтъ ничего страннаго въ томъ, если Константинъ въ это время не могъ найти около себя ни одного соратника, который въ качествѣ очевидца могъ бы подтвердить Евсевію его слова. Но и помимо этого, не слѣдуетъ забывать, что въ рассказѣ Евсевія клятва Константина относится не къ одному видѣнію креста, но и къ тому откровенію, какое онъ получилъ во снѣ, а это ужъ такое событіе, которое можно удостовѣрить только клятвой, а не ссылкой на посторонняго свидѣтеля.

Обращаясь далѣе къ разсмотрѣнію тѣхъ внутреннихъ недочетовъ въ рассказѣ Евсевія, которые выставляются въ обличеніе его недостаточной освѣдомленности касательно описываемаго факта, мы и здѣсь можемъ достигнуть нѣкоторыхъ благопріятныхъ для Кесарійскаго историка резуль-

татовъ. Правда, эти недочеты не могутъ быть устранены никакими перетолкованіями, но можно указать рядъ уважительныхъ причинъ, объясняющихъ ихъ появленіе въ устахъ Евсевія, и этимъ самымъ ослабить ихъ критическое значеніе. При детальномъ обсужденіи извѣстія Евсевія необходимо помнитъ, что онъ передаетъ то, что лично сообщилъ ему императоръ въ одну изъ минутъ его полной откровенности, а императоръ не такой собесѣдникъ, котораго можно было бы спрашивать о всѣхъ любопытныхъ частностяхъ дѣла и съ которымъ вообще допустима была бы полная свобода въ бесѣдѣ. Польщенный довѣріемъ императора, Евсевій по необходимости долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ ограничился императоръ, и излагать полученное сообщеніе такъ, какъ онъ самъ его понялъ, не имѣя ни возможности, ни побужденій провѣрить его новыми распросами. Отсюда и нѣкоторые недочеты, наблюдаемые въ рассказѣ Евсевія, какъ напримѣръ отсутствіе точнаго указанія на мѣсто и время событія, слагаются съ историка сами собой; этихъ указаній у Евсевія нѣтъ, потому что императоръ ничего не сказалъ о нихъ. Но можно идти еще дальше; можно утверждать, что въ одномъ и притомъ самомъ важномъ пунктѣ Евсевій не понялъ императора, и его слова перетолковалъ по-своему. Уже при самомъ чтеніи повѣствованія Евсевіева о явленіи креста на небѣ и послѣдующихъ ему событіяхъ невольно обращаетъ на себя вниманіе та подозрительная близость, въ которой стоитъ описаніе лабарума съ рассказомъ о самомъ чудѣ. Оба эти совершенно различныхъ момента подъ перомъ историка сливаются въ одно неразрывное цѣлое, и это наглядно отражается на его языкѣ. Кесарійскій епископъ на всемъ протяженіи своей „Жизни Константина“ ни разу не называетъ лабарумъ его собственнымъ именемъ: онъ вездѣ употребляетъ образныя выраженія, какъ напримѣръ: „спасительное знамя“, „знаменіе спасительнаго страданія“, „спасительное и животворящее знамя“, „знамя спасительной побѣды“ и эти своимъ искусственнымъ способомъ рѣчи вносятъ необыкновенную путаницу во все свое сочиненіе о Константинѣ ¹⁾. Лабарумъ самъ по себѣ, помимо

¹⁾ Это поразительно: буквально ни въ одномъ мѣстѣ Евсевій не называетъ лабарума его собственнымъ именемъ, а вездѣ описательнымъ. Вотъ

названія, даннаго ему Константиномъ, отнюдь не представлялъ собой чего-либо новаго. Онъ былъ точной копіей тѣхъ знаменъ, какія были введены римскими императорами гораздо раньше его. Какъ и лабарумъ, эти знамена имѣли видъ длиннаго стержня съ поперечною короткою перекладиною, къ которой иногда привѣшивался платъ съ различными изображеніями. Наверху стержня, на срединѣ между перекладиною и оконечностію, помѣщались изображенія пуповъ, подъ покровительство котораго ставили себя войска, на примѣръ: орла, полумѣсяца и т. д. ¹⁾—словомъ, точь въ точь, какъ и на лабарумѣ. Еще ранѣе Евсевія нѣкоторые христіанскіе писатели усматривали въ знаменахъ римскихъ

всѣ относящіяся сюда цитаты: „этимъ спасительнымъ знаменемъ (V. С. I, 31)“, „побѣдную хоругвь съ спасительнымъ знаменемъ (I, 37)“, „спасительное знамя (I, 40—два раза)“, „священная хоругвь (I, 40)“, „знаменіе спасительнаго страданія (II, 4)“, „спасительное знамя (II, 6 и 7)“, „спасительная хоругвь (II, 9 и 16)“, спасительное и животворящее знамя (II, 16)“, спасительное знамя (III, 3)“, побѣдное знамя (IV, 5), „знаменіе спасительной побѣды (IV, 21)“. Связь рѣчи показываетъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ нужно разумѣть лабарумъ, а не крестъ. Понятно, какая отсюда возникаетъ путаница для читателя, не даваго себѣ отчета въ этомъ оригинальномъ способѣ выраженія Евсевія. Напр., большинство историковъ съ большимъ недоумѣніемъ относятся къ извѣстію Евсевія, что Константинъ тотчасъ послѣ побѣды надъ Максентіемъ поставилъ въ Римѣ свою статую съ „крестомъ“ (у Евсевія: „священная хоругвь“, V. С. I, 40) въ рукахъ. И дѣйствительно, невозможно допустить, чтобы Константинъ, обладавшій тогда незначительной частью имперіи, осмѣлился на такой безразсудный поступокъ, какъ поставить крестъ, символъ проклятія и позорнѣйшей казни, въ центрѣ язычества. „Самое имя креста,—говоритъ Циперомъ,—да будетъ далеко не только отъ тѣла римскихъ гражданъ, но отъ мысли, слуха зрѣнія, („*pomen ipsum crucis absit non modo a corpore civium romanum, sed etiam a cogitatione, oculis, auribus;*—*pro Rabirio, c. 5*). Христіане первыхъ трехъ вѣковъ хорошо знали это презрѣніе римлянъ къ кресту, и хотя не скрывали отъ нихъ своего почитанія креста, но избѣгали дѣлать точныя изображенія его. Такъ, въ катакомбахъ крестъ встрѣчается не иначе, какъ подъ видомъ разныхъ символовъ: якоря, фигуры молящагося человѣка съ распростертыми руками, птицы, поднимающейся къ небу и растягивающей свои крылья на подобіе креста и т. п. (См. Münter. *Sinbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen*, Altona, 1825).—Конечно, въ извѣстіи Евсевія разумѣется не крестъ, а лабарумъ.

¹⁾ Laven. *Konstantin der Grosse und das Zeichen am Himmel*. Trier, 1902, s. 7. Форма знаменъ языческихъ императоровъ часто встрѣчается на монетахъ.

легионовъ подобіе креста. „Что представляютъ собою ваши знамена, штандарты, хоругви, какъ не позолоченные и украшенные кресты?“—спрашиваетъ Минуцій Феликсъ ¹⁾. „Покрывала знаменъ,—замѣчаетъ Тертуліанъ ²⁾,—суть одежды креста“. Ошибка Евсевія состояла въ томъ, что онъ не только усмотрѣлъ въ лабарумѣ подобіе креста, но прямо отождествилъ его съ крестомъ, и это оказало важное вліяніе на весь разсказъ его о знаменіи на солнцѣ. Вѣроятно, Константинъ, отмѣчая въ бесѣдѣ съ Евсевіемъ явленное ему чудо, употребилъ какое-нибудь образное выраженіе,—всего скорѣе именно: „спасительное знамя“, какъ онъ дѣйствительно и назвалъ лабарумъ въ надписи на статуѣ, воздвигнутой имъ въ Римѣ послѣ побѣды надъ Максенціемъ,—Евсевій же отнесъ эту фразу къ самому явленію и то, что видѣлъ въ лабарумѣ, помѣстилъ на солнцѣ ³⁾, и такимъ образомъ вмѣсто монограммы у него появилось „знаменіе креста“.

Это ошибка важная, но разъ она понята и объяснена, она уже не можетъ служить возраженіемъ противъ его разсказа. Еще менѣе можно обличать Евсевія на основаніи, что онъ безъ нужды удваиваетъ чудо, заставляя ждать Константина особаго откровенія ночью, чтобы исполнить ясное повелѣніе, полученное въ видѣніи на солнцѣ. Тутъ умѣстиве иного рода сужденіе. Еще французскій историкъ эпохи Константина, Гастонъ Буассе заявлялъ, что въ этомъ своеобразномъ способѣ изложенія чуда онъ видитъ не возраженіе противъ Евсевія, а скорѣе доказательство того, что авторомъ разсказа

¹⁾ Minuc. Fel., Octav. c. 29.

²⁾ Tertullian, Apol., c. 16; ср. Justin, Apol. 1, 55.

³⁾ Это съ очевидностію открывается изъ собственныхъ словъ Евсевія: „вставъ вмѣстѣ съ наступленіемъ дня (послѣ ночнаго видѣнія),—идеть онъ,—Константинъ разсказалъ свою тайну друзьямъ и потомъ созвавъ мастеровъ, умѣвшихъ обращаться съ золотомъ и драгоценными камнями, сѣлъ между ними и описавъ имъ образъ знамени (т. е. видѣнаго на солнцѣ и во свѣ), приказалъ сдѣлать по подобію его такое же изъ золота и драгоценныхъ камней. Это знамя иѣкогда случилось видѣть намъ. Оно имѣло слѣдующій видъ...“, и далѣе идетъ описаніе лабарума. Ясно, что подъ именемъ знамени креста (*σταυροῦ τροπαίου*—V. С. 1, 31; *τροπαίου*, а не *τύπου*—очертаніе), лежавшаго на солнцѣ Евсевій описываетъ ничто иное, какъ лабарумъ, обозначаемый имъ, какъ мы сейчасъ указывали, и въ другихъ мѣстахъ его сочиненія, фигуральными терминами.

ни въ какомъ случаѣ не могъ быть христіанскій епископъ. Христіанинъ, по существу своихъ религіозныхъ воззрѣній, охотнѣе довѣряется божественному внушенію; для него совершенно достаточно было бы такого необычнаго откровенія, какъ явленіе знаменія на солнцѣ, и если бы рассказъ о знаменіи придумалъ Евсевій, то онъ не присоединилъ бы ничего большаго. Но язычникъ по природѣ недовѣрчивъ: онъ требуетъ ясныхъ и вещественныхъ доказательствъ вмѣшательства Божества и не скоро удовлетворяется. По свидѣтельству языческаго писателя Сервія, римляне никогда не довольствовались первыми ауспиціями и прежде чѣмъ рѣшиться на дѣло, ждали, чтобы они подтвердились другими. Анхизъ въ Энеидѣ, только что видѣвшій, какъ пламя охватило голову Асканія, не зажигая волосъ, не сразу довѣряетъ этому необычному знаменію, но проситъ Юпитера подтвердить его, и Юпитеръ отвѣчаетъ громомъ ¹⁾. Въ положеніи Константина эта нерѣшительность и желаніе получить новое подтвержденіе тѣмъ болѣе понятна, что ему приходилось дѣлать исключительно важное рѣшеніе—выбирать между старой религіей, за которой стояло все прошлое Рима, и презираемымъ доселѣ Богомъ христіанскимъ. Значитъ, и здѣсь у Евсевія все обстоитъ благополучно.

Чтобы покончить съ Евсевіемъ, намъ остается выяснить отношеніе къ нему Лактанція. Какъ ни сильно бьетъ Евсевія аргументъ, заимствуемый изъ Лактанція, онъ все же недостаточенъ для того, чтобы въ тѣхъ частяхъ, въ какихъ Кесарійскій епископъ отличается отъ него, лишить его всякаго значенія. Чтобы измѣрить его научный вѣсъ, намъ необходимо войти въ нѣкоторые спеціальные вопросы касательно сочиненія „О смерти гонителей“ и самого Лактанція. Прежде всего нужно имѣть въ виду, что сочиненіе „О смерти гонителей“, въ которомъ содержится извѣстіе о ночномъ откровеніи Константину, вовсе не представляетъ собой такого научнаго факта, на который можно было бы опираться безъ всякихъ предварительныхъ оговорокъ. Въ наукѣ еще доселѣ

---

¹⁾ Гастонъ Буассе. Паденіе язычества. Москва. 1892, стр. 19. 20. Вмѣсто того, чтобы ссылаться на Энеиду. Буассе могъ бы привести болѣе идущій къ дѣлу примѣръ изъ жизни самого Константина, о чемъ рѣчь ниже.

окончательно не рѣшенъ кардинальный въ данномъ случаѣ вопросъ, принадлежитъ-ли это сочиненіе дѣйствительно Лактанцію, или оно есть произведение неизвѣстнаго писателя? Не такъ давно, именно въ 1869—1891 гг. гейдельбергскій ученый Брандтъ въ рядѣ статей, посвященныхъ Лактанцію, массою аргументовъ доказывалъ, что этотъ писатель никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ авторомъ сочиненія „О смерти гонителей“, и отрицательный выводъ Брандта на этотъ разъ съ поразительной скоростью усвоенъ былъ русской церковно-исторической литературой въ докторской диссертации проф. Садова о Лактанціи, напечатанной въ 1895 г.¹⁾ Но годъ изданія проф. Садовымъ своей диссертации былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ поворота ученыхъ мнѣній въ обратную сторону. Уже въ своемъ отзывѣ о книгѣ Садова покойный пр. Болотовъ, можно сказать, блистательно защитилъ авторскія права Лактанція²⁾. На Западѣ на сторону Лактанція встали такія ученые силы, какъ Зеекъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ эпохи Константина въ настоящее время³⁾, Прейшенъ⁴⁾ и Пишонъ,—последній въ недавно изданномъ обширномъ изслѣдованіи о Лактанціи⁵⁾,—короче, всѣ ученые, которые имѣли случай коснуться дѣятельности этого писателя. Однако и признавая, что сочиненіе „О смерти гонителей“ принадлежитъ Лактанцію, мы не освобождаемся отъ всѣхъ затрудненій, связанныхъ съ его извѣстіемъ. Дѣло въ томъ, что въ наукѣ не вполне извѣстно, гдѣ находился Лактанцій, когда писалъ свое сочиненіе. По вычисленіямъ Брандта, онъ еще въ 307 или въ 308 году былъ вызванъ въ Триръ Константиномъ для воспитанія своего сына Криспа и въ такомъ случаѣ долженъ былъ составить этотъ трудъ, живя при дворѣ. Но вычисленія Брандта, опирающіяся на однихъ

¹⁾ А. И. Садовъ. Древне-христіанскій писатель Лактанцій. С-Петербургъ. 1895.

²⁾ См. Отзывъ профессора В. В. Болотова о сочиненіи профессора А. И. Садова (Протоколы Совѣта С-Петербургской дух. Ак. за 1895—1896). Отд. отг. 1896.

³⁾ Seeck. Geschichte d. Untergangs d. antik. Welt. Anhang zum ersten Band, Berlin, 1898, ss. 456—400.

⁴⁾ Preuschen, Real-Encyclopädie, 3 Aufl., t. XI.

⁵⁾ René Pichon. Lactance. Etude sur le mouvement philosophique et religieux sous le regne de Constantin. Paris, 1901.

теоретическихъ соображеніяхъ о томъ возрастѣ, въ какомъ вообще знатные римляне начинали обучать своихъ дѣтей риторикѣ ¹⁾, соображеніяхъ очень шаткихъ, теперь всѣми оставлены. Однако и послѣ этого главный вопросъ о времени написанія сочиненія „О смерти гонителей“, нимало не подвинулся впередъ. Здѣсь все зависитъ отъ рѣшенія другого спорнаго пункта: когда умеръ Диоклитіанъ въ 313 или 315 году? Въ первомъ случаѣ Лактанцій долженъ былъ составить свое сочиненіе въ бытность свою на Востокѣ, въ Никомидіи, а находясь въ Никомидіи, онъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи ни чуть не болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ Евсевій, бесѣдовавшій съ самимъ Константиномъ: во второмъ случаѣ—онъ писалъ свое сочиненіе, состоя уже воспитателемъ Креста, и его свидѣтельство должно имѣть самостоятельное значеніе.

Итакъ, что же получается въ концѣ концовъ изъ разбора возраженій противъ Евсевія? По нашему мнѣнію, получается одинъ довольно прочный результатъ. Эти возраженія еще нимало не роняютъ честь Евсевія, какъ историка, и сами по себѣ недостаточны для того, чтобы на основаніи ихъ рассказъ его о видѣніи слѣдовало признавать собственной выдумкой самого Кесарійскаго епископа. Напротивъ, все говоритъ за то, что Евсевій только передалъ то, что сообщил ему Константинъ, и если въ чемъ-нибудь погрѣшилъ, то лишь въ томъ, что не вполне понялъ нѣкоторыя части его рассказа и внесъ сбивчивость въ свое извѣстіе. Но если это такъ, если дѣйствительно Евсевій излагаетъ только то, что сообщил ему Константинъ, то ясно, что весь вопросъ о передаваемомъ имъ событіи сводится въ сущности къ тому вопросу: насколько правильно самъ Константинъ воспроизвелъ совершившееся съ нимъ событіе? не привнесъ ли онъ въ него, даже безсознательно для себя, какихъ-либо новыхъ подробностей, спустя долгое время рассказывая о нихъ Евсевію? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно сказать лишь слѣдующее: уже самая постановка вопроса показываетъ, что онъ не только не можетъ быть рѣшенъ наукой, но и вообще стоитъ внѣ предѣловъ ея компетенціи. Наука не имѣетъ средствъ проконтролировать сообщеніе Константина по не-

¹⁾ См. отзывъ Болотова, стр. 165 см.

зависимымъ отъ него источникамъ; здѣсь нѣтъ даже узаконенныхъ двухъ свидѣтелей, при которыхъ, по слову Библіи, станеть всякъ глаголь, а есть только одинъ свидѣтель, или точнѣе самосвидѣтель, которому можно довѣрять или не довѣрять. Но довѣріе или недовѣріе—это ужъ сфера личныхъ человѣческихъ отношеній, а не область научнаго изслѣдованія, которое должно и доказывать и отвергать, опираясь на объективныя, всѣмъ очевидныя, принудительныя данныя.

Становясь на почву научную, можно утверждать лишь слѣдующее: въ 312 г., во время похода на Максенція, предъ окончательной битвой за обладаніе Рима, съ Константиномъ произошло таинственное событіе—одно изъ тѣхъ событій, которыя способны производить глубочайшіе перевороты въ душѣ человѣческой ¹⁾. Значеніе его состояло въ томъ, что оно побудило Константина поставить себя подъ знамя монограммы Христа и такимъ образомъ сдѣлаться поклонникомъ христіанскаго Бога. Но въ какой формѣ совершилось это событіе: въ ночномъ ли только видѣніи, какъ рассказываетъ Лактанцій, или, какъ утверждалъ Константинъ Евсевію, ему предшествовало болѣе дивное явленіе знаменія на солнцѣ, въ чемъ бы ни состояла его объективная сторона—это вопросъ, на который дать отвѣтъ наука, при наличномъ состояніи свѣдѣній, некомпетентна. Привлекательное по своей простотѣ извѣстіе Лактанція и величественный рассказъ Евсевія, за которыхъ стоитъ авторитетъ очевидца Константина,—оба имѣютъ одинаковое право на признаніе, и нельзя указать твердыхъ основаній въ пользу исключительнаго предпочтенія того или другого. Да это и не нужно ни въ интересахъ вѣры, ни въ интересахъ науки; для вѣрующаго человѣка достаточно знать, что такое великое въ исторіи христіанства событіе, какъ обращеніе Константина, совершилось при особенныхъ обстоятельствахъ,—такихъ обстоятельствахъ,

---

¹⁾ Въ концѣ концовъ этотъ только моментъ и остается прочно засвидѣтельствованнымъ въ источникахъ. Въ рѣчи, написанной къ обществу святыхъ, самъ Константинъ заявляетъ, что „началомъ его служенія было внушеніе Божіе (*ἐξ ἐπιλοίας τοῦ Θεοῦ τὴν ἀρχὴν ἔχονσαν*—Heikel, cit. edit., p. 192)“... и только... При противорѣчій древнихъ свидѣтельствъ, при недоразумѣвіи, допущенномъ Евсевіемъ, это заявленіе самого Константина должно имѣть рѣшающее значеніе.

въ которыхъ вѣрующему оку наиболѣе ясно проявляется руководящая историческими судьбами человѣчества высшая воля. Что же касается до исторической науки, то для нея не имѣетъ значенія ни вопросъ объ объективности явленія, ни внѣшняя форма его; для нея важно лишь то субъективное впечатлѣнїе, какое оно произвело въ душѣ Константина и котораго вполне достаточно, чтобы пролить свѣтъ на эту замѣчательную страницу въ исторіи христіанства.

А. Спасскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
